

28.06.2006

[Николай Малинин // Большой столичный журнал](#)

Медный, сланцевый, молочный

Изначально пьеса Чехова называлась «Вишневый сад» — с ударением на первом слоге. Друзья долго не могли понять, что же тут не так, пока автора не осенило: да, не вишневый, а вишнёвый! Вишневый — это сад, от которого толк есть, ягоды там, выручка. А вишнёвый — он абсолютно бесполезный, чисто посозерцать... Мысль перекрестить Б`утиковский переулоч в Бутиковский пришла всем сразу

Да, это такой Третьяковский проезд, только не про шмотки, а про архитектуру. Вот бутик Skuratoff, вот бутик Grigoryan. Все самое лучшее, что есть в нашей архитектуре. Все самое дорогое, что есть на рынке жилья. Вишнёвый и ви'шневый в одном флаконе.

Риэлторы, впрочем, давно уже дали кварталу между Остоженкой и набережной название "Золотая миля". Но само по себе сообщество элитных домов, своей социальной гомогенностью приятное потенциальному покупателю, увы, не всегда залог прорыва градостроительного. Здесь же, впервые в новейшей московской истории, в границах Садового кольца возникла новая качественная архитектурная среда. Не просто один хороший дом, а целый квартал, состоящий из очень хороших домов.

Заложил первый камень Александр Скокан, построив семь лет назад банк на Пречистенской набережной, признанный впоследствии лучшим зданием Москвы за целое десятилетие. Но целенаправленное превращение этого района в квартал суперэлитной архитектуры началось в 2000 году, когда на сцене появился просвещенный застройщик Борис Кузинец (компания Rose Group). На углу с Молочным переулком вырос дом-подкова архитектора Юрия Григоряна, чуть позже, на стыке с Коробейниковым переулком, его же жилой комплекс, чуть раньше был построен Cooper House Сергея Скуратова (три башни, облицованные патинированной медью), вторым номером был закончен комплекс "Бутиковский, 5" того же автора.

ДОМ МОЛОЧНЫЙ

Жилой дом в Молочном переулке, 1, построенный Юрием Григоряном по заказу Rose Group в 2002 году, довольно долго держался в первой строчке архитектурных рейтингов. При этом здесь было и самое дорогое по тем временам жилье — 10 тысяч долларов за квадратный метр. Впервые в Москве в одном здании соединились вместе качество архитектуры и собственно строительства. До этого проекты элитных домов или были крайне слабы в архитектурном отношении, или, если выбивались из общего, довольно серого потока, ?чахли? в руках нерадивых строителей. Кроме того, впервые и возведением здания, и интерьерами занималась одна и та же команда. И бюджет того и другого был одинаково высок.

И строители, и заказчики понимали, что делать ставку на радикальную, остросовременную архитектуру, тем более в историческом центре, неразумно. Что же составило успех этого здания, которое не назовешь супероригинальным?

Притом, что в Москве тогда было принято выжимать из земельного участка максимум возможного, здесь мы видим совершенно невероятный пейзаж: треть участка широким жестом оставлена под курдонер. Это одновременно и внятный намек на богатство (могу себе позволить дом с палисадом!), и апелляция к классической традиции. Какой же дворец без курдонера — парадного двора, ?двора чести??

Правда, курдонеру полагается быть огороженным с трех сторон. Так что это не вполне он, да и вообще подобрать этому кусочку зелени название сложно: газон? палисад? сквер? А все потому, что пространство это воспринимается и как приватное, и как публичное. Оно явно относится к этому дому, им оно собрано в конус, кроме того, оно ухожено и

приподнято над уровнем тротуара. При этом оно все-таки не огорожено и работает на весь перекресток. Являясь, более того, единственным оазисом зеленого и общественного в этом квартале, превратившемся в очаг очень дорогой, но глухой к окружающему жизни. К классической традиции отсылает и форма здания, широкой дугой охватывающего площадь. История этой дуги безбрежна: от рынка Траяна в Риме до боффиловой Антигоны в Монпелье. А еще вилла Джулия, новый Хоффбург, Казанский собор, Странноприимный дом, дом Ленсовета на Карповке, здание Совнаркома Украины, гостиница Космос... Принимая во внимание такое разнообразие функций, сказать, что семантика дуги — сугубо дворцовая, было бы несправедливо. Но парадность, торжественность формы — очевидна.

В то же время дуга в Молочном отчетливо разомкнута. Это все-таки не полукруг, а лишь его треть. Она не охватывает двор флигелями на манер господских дворцов, которые так приятно было сравнивать с радушно распахнутыми объятиями хозяина. Не создает благочинного уюта, как римская резиденция папы Юлия III. Не выбегает свободно на площадь (как легкий крестовик-паук) и не предлагает пройти по роще портиков. Она лишь чуть прогибается, натягиваясь подобно тетиве лука, и в этом напряжении очевиден век XX.

Уточняет время облик фасада. А он очень простой: никакого декора, никаких архитектурных излишеств. Богатство, которым не кичатся, — это для России век XXI. Хотя имя ему было найдено еще в XX веке: минимализм. Это не вполне стиль, скорее течение. Ему присущи: простота, лаконичность, скупость художественных приемов, отсутствие всякого декора, преобладание глухих плоскостей (желательно белого цвета), сведение к минимуму оконных проемов, некая медитативность и интригующая загадочность. Но в России, где полвека архитектура вообще была сведена к минимуму, такой минимализм был невозможен.

Поэтому к минимализму прилагаются: сбитый ритм оконных проемов, прозрачный цоколь и, конечно же, дорогая отделка натуральным камнем. Скачущие окна тогда только-только вошли в моду (первым этот прием использовал Сергей Скуратов в доме на улице Бурденко), но здесь они впервые стали главной темой. Фасад в виде дождя, — поэтично выразился Григорян.

А по мысли архитектурного критика Григория Ревзина, дому придано сходство с абрисом римских руин (в редакции муссолиниевского ар деко). Стекланный цоколь тоже не был новостью, но здесь, в сочетании с классицистической дугой, прозвучал оригинально, а главное, оторвал дом от земли, лишив его излишней помпезности. Ну, а что касается юрского камня, то минимализму полагается быть дорогим. В этом и заключается его фирменный снобизм: очень просто, но очень дорого.

Снобизм же местный — в том, что это едва ли не первый жилой дом без балконов.

Балконы для нового русского — символ совка, от которого он так старается убежать: там вечно лыжи, банки... Поэтому здесь балконы французские: окна от пола до потолка с лепестками стекол. Наверное, это вопрос привычки, но именно поэтому дом многим казался слишком офисным, не жилым. Видимо потому же никому в голову не приходит использовать газон перед домом так, как принято в европейских столицах: валяться. Это все равно что валяться на лужайке перед обкомом КПСС. Тут же подойдут и упекут.

Аллюзия на советские партдворцы не так странна, как может показаться. Она возникает благодаря и монументальности постановки здания, и некоторой его обособленности от среды, и холодности каменного фасада. В одной из рецензий я так и назвал дом: сентиментальный обком. Авторы обиделись, хотя, кажется, присутствие в доме образа власти не сильно противоречит менталитету его обитателей.

Впрочем, задав эту официозную тему, дом тут же ее и дезавуирует. Никакой обком не позволил бы себе такого отрыва от земли и такой легкомысленности в разбросе окон. Да и вход — сбоку, а значит, нет типовой парадности (хотя в совучреждения тоже сбоку входили, потому что главный вход вечно был заколочен). Вообще, тема жилья на жилье

непохожего регулярно возникала в архитектуре, особенно на сломе эпох. Взять дом, самый близкий Молочному в истории русской архитектуры: дом Ленсовета на Карповке. Построенный в 1934 году Евгением Левинсоном, он был ярким образцом перехода от постконструктивизма к неоклассицизму. Сохраняя отдельные приметы первого (броскость образа, отсутствие декора, колонны-столбы, лестницы-транспортёры, балконы-ниши), дом не по-конструктивистски монументален: симметрия, традиционная композиция (главный дом, два флигеля), трехчастное деление по вертикали. При этом с классической тектоникой Левинсон обходится весьма свободно: его здание, как и дом в Молочном, оторвано от земли, только не остеклением цокольного этажа, а его отсутствием. Но главное даже не в этом. Фактически это первый советский элитный дом, где есть и качество строительства, и комфорт планировок, и своя прачечная, и даже солярий на крыше. И этот новый уровень жизни находит отражение в архитектуре. Дом Левинсона, — пишет Григорий Ревзин, — поражает каким-то совершенно неожиданным в пролетарском Ленинграде духом буржуазной роскоши, выверенной приватностью. Это уникально найденный масштаб, ощущение частного величия, когда при всей торжественности композиции ты понимаешь, что это именно жилой дом. Что-то похожее есть и здесь: воплощенная буржуазность, опирающаяся с одной стороны на классическую традицию, а с другой — на изменение политического климата, укрепление вертикали власти. И если бы президент Путин хоть немного интересовался архитектурой, этот дом можно было бы назвать первым домом путинской эпохи.

Правда, дому в Молочном — в сравнении с домом на Карповке — явно не хватает глубины и мощи. Но он свое время отражает ничуть не хуже. Ведь и у времени у этого нет внятной идеологии, нет явной эстетики — и вся эта невнятица чудесно воплотилась здесь. Тут есть классика, но это, конечно, не она. Есть минимализм, но и это не он. Есть что-то офисное, а что-то от обкома, есть курдонер, но также и стеклянный цоколь. Замечательно же то, что сделано все это абсолютно профессионально: все уравновешено, ничто не давит. Дом, как и хотели авторы, получился и не классический, и не современный — абстрактный.

Но при всей этой абстрактности образа (и неопределимости породившего его времени), есть здесь кое-что ?чисто конкретное?, и это, конечно, покупатель.

Архитектуру сегодня определяет не идеология, а рынок. И дело только в том, что можно под него прогнуться, а можно убедить архитектурой. Или даже внушить. Так вот, этот дом внушает. Темы, которые он внушает, очень важны для нового русского, но при этом они остаются и важными темами собственно архитектуры. Первое: архитектура — это богатство. Про это — дорогие материалы, качество строительства, небольшая этажность, собственный парк. При этом никаких колонн, золота и прочих атрибутов новорижского нуворишства. Второе: архитектура — это власть.

Про это — классическая циркумференция и парадный газон перед нею. Плюс смутный призрак власти советской. Третье: архитектура — это свобода. Про это — разноразмерные окна и подсеченный прозрачный первый этаж.

А еще архитектура — это, конечно, комфорт. Но про это пусть пишут глянцево-интерьерные журналы.

ДОМ СЛАНЦЕВЫЙ

Жилой комплекс "Бутиковский, 5"

(точный адрес — Бутиковский, 9-11,13), построенный Сергеем Скуратовым в 2003 году, — пожалуй, самый эстетский дом Москвы. Потому что про него трудно рассказать.

Я не имею в виду перечисление санузлов, лифтов и характеристики охранных систем, столь любимые риэлторами. В этом доме нет никаких наворотов, эксцентризмов, мимики — при том, что он очень сложный и очень артистичный. Он не хлопает мордой, как говорят про плохих актеров, он берет зал фактурой.

В Москве нет другого современного дома, стена которого была бы разработана столь

тщательно и заботливо. В эту игру включены все возможные составляющие: объем, плоскость, линия, детали, фактура, ритм. Стена — при том, что она остается стеной — перестает быть плоскостью. Она превращается в ландшафт. Только этот ландшафт — особой природы. Кажется, будто слои горной породы рвутся наружу, и в одном месте на поверхность выходит один, а в другом — другой. Но за всем этим катаклизмом ты ощущаешь руку дирижера: чередование светлого и темного, впадин и выступов, плотности и пустоты с виду хаотично, но на самом деле прихотливо; гармонично, хотя и несимметрично.

Это гармония не классической симфонии, а скорее, джазового ноктюрна.

Главную скрипку в этой пьесе играет черный бельгийский кирпич. Не резаный, а прессованный, ручной выделки, отчего выглядит живым и теплым. Но черный цвет не звучал бы столь благородно, если бы не оттенялся светлым — камнем и деревом. Здесь, впервые в Москве, на фасадах применено большое количество дерева — в оконных проемах стоят широкие панели из канадского мореного дуба. Это довольно смелый эксперимент, поскольку наши пожарные категорически против открытого дерева. Но во всем мире оно благополучно живет на фасадах — и вот наша первая ласточка. Интересно и то, что светлый камень цоколя идентичен камню, из которого целиком сделан соседний дом-подкова: это такой привет одного джентльмена другому.

Так сознательно ткется новый контекст, новая аристократическая среда.

Собственно же приемов тут совсем немного. Скругленный угол, обращенный к реке и изящно подсеченный. Рваный ритм окон, сочетающий узкие, почти бойничные, с квадратными и широкими, почти ленточными. Наслаивающиеся друг на друга разнофактурные плоскости, некоторые из которых словно бы выдавливаются из объема, превращаясь в скульптуру. Во дворе же комплекса стоит еще один симпатичный кубик — особняк на четыре квартиры, своего рода квинтэссенция общего стиля дома. Здесь, на меньшем объеме, все те же приемы начинают звучать чуть громче, словно ручку приемника повернули на пару делений.

Да, это не залихватски самобытный рок: похожих домов в Европе много; не модный хип-хоп: все-таки дом из камня, а не из железа со стеклом; не дешевая попса: тут нет навязчивых припевов. Это именно что приглушенный, попыхивающий сигарой, благородный джаз — для ценителей и эстетов.

Остается вспомнить, что переулочек был назван по имени купца Бутикова, державшего на этом месте текстильную фабрику, чья дочка Сашенька, выйдя замуж и став Дерожинской, заказала Федору Шехтелю особняк в Кропоткинском переулке, где ныне посольство Австралии. К чему это я? К тому, что дело Лопахиных по культивации вишнёвых садов живет и побеждает.

ДОМ МЕДНЫЙ

Жилой комплекс Correg House (Бутиковский пер., 5) — редкий для Москвы случай. В том, что дом, построенный хорошим архитектором Сергеем Скуратовым (по заказу того же Бориса Кузинца), действительно хорош, никого убеждать не придется. Это видно сразу и всем. Может быть, даже чересчур явно. Но куда деться? Это же все равно как если бы посреди уличной толпы вдруг появился человек, одетый не в одежду, а в латы. Учитывая, что набор материалов, из которых бывает построено здание, не так уж и велик, можно сказать, что закрыта последняя страница перечня: в Москве появился медный дом.

В мире таких зданий — в том числе из меди патинированной — уже довольно много. Стивен Холл и Ренцо Пиано в Амстердаме, Массимилиано Фуксас в Бордо, Рафаэль Монео в Вальядолиде — и это только классики. Но в СССР медь была стратегическим продуктом, и если использовалась, — то лишь как кровля, а патинированной тут не знали

вовсе. Появилась же она буквально в последние год-два: на ?Романовом дворе?, на комплексе ?Аптекарский огород?, в загородном доме архитекторов Антона Надточего и Веры Бутко. Но нигде еще она не становилась главной темой.

Вообще-то цвет этот всем хорошо известен. Потому что патина — это тот самый налет, которым вперемешку с птичьим пометом покрываются бронзовые памятники.

То есть это символ честной старины и исторической значимости. В Москве за старинность борются все последние 15 лет: строят новоделы, приворовывая век-другой для пущей солидности. Но тут история другая. Время снова спрессовано, только берется оно не из прошлого,

а из будущего, потому что в естественном состоянии медный дом должен покрыться патиной лет через 20-30.

Когда Фуксас собирался строить свой медный дом, великий итальянский зодчий Карло Скарпа сказал ему, что самый верный способ побыстрее состарить медь — это на нее пописать. Сегодня главным секретом патинирования владеет фирма КМЕ из Оснабрюка.

Идея практичных немцев заключалась в том, что медь — один из самых долговечных материалов (на соборе в Хильдесхайме она живет уже 700 лет), и именно патина — в отличие от ржавчины — предохраняет материал от коррозии. Поэтому логично не ждать, пока поверхность будет окисляться, а состарить медь в заводских условиях, что будет и надежнее, и красивее. Это как сыр: если просто заплесневел — понюхай и выброси, а если заплесневел сознательно — получился изысканный рокфор.

Итак, мы имеем ворох инноваций. Дом, перескочивший через 20 лет, но не в прошлое, а в будущее. Материал эстетский, но при этом суперпрактичный, символизирующий одновременно и благородную старину, и передовые технологии. Материал, привычный на крышах, но ставший стенами. Парадоксов много, эффективность отделки даже перекрывает качество архитектуры. А она не менее замечательна. Три кубика, парящих благодаря консольным выносам, скачущий ритм окон, по-разному наклоненные стекла торцевых фасадов, стеклянная галерея, соединяющая три объема в единый пространственный спектакль... Короче, собраны все самые модные приемы и спаяны фирменным скуратовским рисунком.

Но окидывая взором окрестности, понимаешь, что и зелень меди тут совсем не случайна.

Что это отнюдь не прихоть самого продвинутого московского застройщика Бориса Кузинца, готового заплатить за квадратный метр такой зелени 300 зеленых. Узкая площадка между двумя новостройками лишала дом возможности быть градостроительным акцентом. Поэтому архитектор выбрал идею паркового дома, зеленой змейкой проползающего к реке

и в зелени же утопающего. Не пытаясь выжать из участка максимум, как это сделал восьмиэтажный сосед, автор разбил дом на три части, да еще и оторвал их от земли. В результате получилась настоящая скульптура, на которой патина абсолютно уместна.

Может, конечно, и не статуя Марка Аврелия, которой автор, как уверяет, вдохновлялся, но уж черетелиевскому Петру, из окон видимому, точно сто очков вперед даст.

Стоит отметить и то, что на восточных фасадах патины нет, и это тоже неспроста. Тут вообще почти ничего нет: глухие стены да несколько окон. При том, что архитектуре в Москве полагается быть вежливой и непременно вести диалог с окружением, тут мы имеем случай жесткого авторского отношения к архитектуре иного качества. Эти глухие стены — молчание на грани вызова на дуэль. А это в Москве редкость ничуть не меньшая, чем патина TECU.

текст: [Николай Малинин](#)

<http://archi.ru/press/russia/2183/mednyi-slancevyi-molochnyi>